

Ю. В. Зобнин

ПОЧЕМУ АХМАТОВА НЕ ЭМИГРИРОВАЛА?

(К вопросу о «миссии советской интеллигенции» в контексте «диалога культур»)

В 1922 г. Ахматова пишет одно из самых знаменитых своих стихотворений:

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.
Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной,
Темна твоя дорога, странник,
Польнью пахнет хлеб чужой.

(«Не с теми я, кто бросил землю...»)

Это стихотворение «развело» Ахматову с русской эмиграцией: даже много лет спустя, она вспоминала «с каким негодованием встречены были ими (эмигрантами. — Ю. З.) стихи “Не с теми я, кто бросил землю...”»¹

Биографический контекст этого стихотворения: два весьма значимых для Ахматовой расставания летом 1922 г.

В начале июля — отъезд Г. В. Иванова, описанный им в «Петербургских зимах»: «Послезавтра уезжаю за границу. Иду к Ахматовой — проститься. <...> Ахматова протягивает мне руку. <...> — Уезжаете? Кланяйтесь от меня Парижу. — А Вы, Анна Андреевна, не собираетесь уезжать? — Нет. Из России я не уеду. — Но ведь жить все труднее. — Да, все труднее. — Может стать совсем непереносимо. — Что же делать. — Не уедете? — Не уеду»². Тогда же, в июле, и было создано это стихотворение, вошедшее затем в книгу *Anno Domini* (1922).

Но отъезд Иванова проходил «на фоне» подготовки к другому отъезду, который шел в самом «доме» Ахматовой: за границу собрался уезжать ее гражданский муж А. С. Лурье. 17 августа 1922 г. он уехал в Германию «в командировку от Наркомпроса». Разумеется, из «командировки» он не вернулся. Это было разрывом и их личных отношений: «Когда <Лурье> уехал — стало так легко! Я как песня ходила... Писал письмо — 14 писем написал, я ни на одно не ответила... Мать его приходила узнавать обо мне <...> Матери я сказала: “У нас свои сче-

ты”»³. Подруга Ахматовой, О. А. Глебова-Судейкина, оказывала на нее давление, полагая, что отъезд за границу для обеих все равно неизбежен и сделать это нужно именно сейчас, когда слава Ахматовой в «русском Берлине» велика. «...Не помню точно, пожалуй, это было в 1922 году, — вспоминала актриса В. А. Знаменская, Ольга Афанасьевна собиралась уезжать за границу и говорила мне, что она очень зовет ехать с собой Анну Андреевну, что как раз сейчас самое время, потому что ее слава вроде как поглотивательницы мужских сердец, обольстительницы стоит и за границей очень высоко. И речь была об Анне Андреевне не как о поэтессе, а как о “Клеопатре с берегов Невы”. Здесь нет никаких точных слов, только как мне запомнился смысл речей Ольги Афанасьевны»⁴.

Ахматова отказывалась ехать «покорять за границу». Потом ее будут упрекать, говорить, что она «пожертвовала судьбой сына». Э. Г. Герштейн пишет, что «единственной возможностью спасти Леву» была бы... эмиграция Ахматовой с маленьким сыном в 1922 г. «Вот это была единственная возможность спасти Леву. Многие матери покидают родную страну, чтобы избавить своих детей от преследований. Но отказаться от своего призвания Анна Ахматова не могла. Долг матери столкнулся с долгом Поэта. Вот где было заложено начало настоящей, невыдуманной трагедии. Это предредило трудную судьбу Льва Николаевича Гумилева»⁵.

Но у Ахматовой была возможность уехать из России и раньше — в 1917 г., причем — с любимым ею Б. В. Анрепом, прекрасно устроенным в Англии. По воспоминаниям Ахматовой, Б. В. Анреп встречался с ней в самый разгар октябрьских событий: «Приехал в сентябре семнадцатого, уехал за несколько дней до Октябрьской революции. Пришел проститься, не застал. В. Срезневская была: “Анички нет!” — “Я с Вами пришел проститься, Валерия Сергеевна!...”»⁶ В поэме Б. В. Анрепа «Поминание» есть эпизод, описывающий встречу, предшествующую этому «неудачному прощанию»:

³ Лукницкий П. Н. Асумiana. Встречи с Анной Ахматовой. 1924–1925. Париж, 1991. Т. 1. С. 46.

⁴ См.: Краллин М. М. Артур и Анна. Л., 1990. С. 200.

⁵ Герштейн Э. Г. Раненые души // Живя в чужих словах...: Воспоминания о Л. Н. Гумилеве. 2-е изд., доп. СПб., 2006. С. 588.

⁶ Лукницкий П. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 82.

¹ См.: Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М., 1998. Т. 1. С. 154.

² Иванов Г. В. Собрание сочинений: в 3 т. М., 1994. С. 54–55. Через две недели Петербург покинула И. В. Одоевцева.

Я без погон пришел к тебе,
 У ног молил бежать скорее.
 «К чему? В гробу лежать теплее
 В отчизне. Я ведь — о себе».
 В ее руке зажаты розы,
 А боль стучит в моей груди,
 И мы одни...
 «Теперь иди,
 Без страха встречу день угрозы».
 Кори: я бездорожный путник,
 Ты ж вечности должна служить,
 Без родины не можешь жить.
 Прощай, я знаю — я отступник
 Я не бегу, зовет долг службы
 И там оставлена семья.
 Но как тебя оставлю я,
 Приняв кольцо в знак нашей дружбы.
 «Не плачь, я верю в наш народ:
 Он к богу новому стремится
 И в жизни доброй утвердится,
 Чтоб воскресить свой славный род.
 Пожертвованный миру мир
 Народных прав провозглашенью
 И братскому объединенью
 Он будет жить под звуки лир.
 Мне не пиши, забудь, твори,
 Ты никогда не станешь хилым,
 Всегда, всегда мне будешь милым,
 И обо мне не говори...»¹.

Версия этого разговора в стихотворном изложении Ахматовой — «Когда в тоске самоубийства...» — известна всем.

У Ахматовой была продуманная идейная позиция, препятствующая эмиграции. Она изложила ее П. Н. Лукницкому: «Разговор об эмигрантах. Ростовцев (историк, профессор) за границей ругает оставшихся здесь и называет их предателями, потому что они работают на большевиков.

А<нна>А<ндреевна>: “Может быть два положения, чтоб было ясно: либо все уехали, либо все остались.

1. Все уехали. Нет Эрмитажа. Рембрандтовские полотна вместо скатертей и половиков, потому что объяснить некому. Зимний дворец — груда пепла и в ней живут беспризорные. Полный развал. А армия — осталась бы на год — на два, потому что военным нельзя смело было уехать и давление на них; могла бы просуществовать год-два (то есть удерживать фронт. А в стране все бы погибло). Иностранцы не вмешивались бы, ждали бы, что вот новая Америка, которую они откроют и разделят.

2. Никто не уехал бы. Была бы общественность, сейчас ее нет, потому что слишком мало людей осталось. А тогда пришлось бы считаться. Те, кто уехали, спасли свою жизнь, может быть, имущество, но совершили преступление перед Россией.

Вот сейчас осталось, скажем, двенадцать профессоров, старых. Скоро их не будет совсем. Новые — не годятся, плохо подготовлены. Будут выписывать немцев, когда туго придется, и платить им русские деньги. А если б не уехало большинство профессоров — и уровень подготовки молодых был бы выше. Молодые могли бы заменить старых, когда они (многочисленные) постепенно бы выбывали»².

В стихотворной версии 1922 г. подобное представление о «миссии советской интеллигенции» звучит так:

А здесь, в глухом чаду пожара
 Остаток юности губя,
 Мы ни единого удара
 Не отклонили от себя.
 И знаем, что в оценке поздней
 Оправдан будет каждый час...
 Но в мире нет людей бесслезней,
 Надменнее и проще нас.

¹ Ахматовский сборник I. Париж, 1989. С. 183–184.

² Лукницкий П. Н. Асумiana. Встречи с Анной Ахматовой. М., Париж, 1997. Т. 2: 1926–1927. С. 209–210.